

Германия в военных стихах Валерия Брюсова 1914–1917 гг.: поэзия и пропаганда¹

Военные стихи Валерия Брюсова 1914–1917 гг., в основном включенные в сборники «Семь цветов радуги» и «Девятая камена», редко становились предметом специального анализа. О них говорили походя, в общем контексте его поэзии, а оценки зависели от политической конъюнктуры момента: осуждение «поэзии русского империализма» в 1920–1930-е годы (Г.Е. Горбачев, А.Н. Волков, О.В. Цехновицер, отчасти И.С. Поступальский), возрождение патриотизма и осуждение «пруссачества» в 1940-е годы (Г.М. Ленобль, Л.Б. Булгакова, А.С. Мясников), акцентирование мотивов гуманизма и дружбы народов в 1960–1970-е годы (Г.И. Дербенев). Попробуем взглянуть на них в политическом контексте эпохи. Образ Германии в военных стихах Брюсова — частный, но важный аспект проблемы отражения Великой войны в русской поэзии. Драматизм его определялся тем, что главным противником России выступила страна, к которой Брюсов чувствовал культурную и интеллектуальную близость, которую он никогда ранее не воспринимал как врага.

«Великая война отличалась от предыдущих конфликтов прежде всего признанием силы общественного мнения, — утверждал главный пиарщик Америки Джордж Крил. — Это была борьба за сознание людей» [Creel, 1920, p. 3]. Особую роль в этом сыграла пропаганда, которую американский поэт и пропагандист Джордж Сильвестр Вирек определил как «кампанию, маскирующую свое происхождение и/или мотивы, проводимую с целью достижения конкретной цели путем манипулирования общественным мнением» [Viereck, 1930, p. 11].

Образ Германии в пропаганде Антанты определялся набором клише, общим для всех ее стран (анализ процесса его формирования лежит за пределами настоящей работы). Укажем основные клише, чтобы рассмотреть через их призму военные стихи Брюсова:

1. Отрицательное отношение ко всему немецкому (германофобия).
2. Мотивировка «германской агрессии» всей предшествующей историей Германии («от Канта к Круппу»).
3. Союз «свободных» держав против «деспотического кайзеризма».
4. Война не между группами стран, но между идеями; производное — концепция «последней войны» Добра против Зла.
5. «Немецкий шпионаж» и «немецкое засилье» в странах Антанты.
6. «Немецкие зверства», особенно в Бельгии и во Франции.
7. Сербия и Бельгия — маленькие отважные страны — жертвы агрессии.

В России к этому добавилась борьба «германства» против «славянства», причем имеющая «вековечный» характер.

¹ Стихотворения Брюсова цит. без ссылок по [Брюсов, 1973] с указанием дат (по старому стилю).

Начало войны вызвало вспышку германофобских настроений в России. В хоре проклятий тон задавали не только бульварные журналисты, но и такие поэты, как К.Д. Бальмонт, Ф. Сологуб, С.М. Городецкий, Игорь Северянин (только из числа знакомых Брюсова). Молчание хранили немногие, включая З.Н. Гиппиус и А.А. Блока. Брюсов воспринял внутриевропейский конфликт трагически, поскольку в статье «Новая эпоха во всемирной истории» (1913) назвал потенциальными врагами европейской христианской цивилизации «панмонголизм и панисламизм» и призывал к объединению сил в борьбе «за лики гордые Шекспира, за рафаэлевых Мадонн» («Проснувшийся восток», 1910). Достижения германской культуры были для него неотъемлемой частью общеевропейского богатства, которое предстояло защищать от «проснувшегося Востока».

Первым откликом Брюсова на начало войны стали стихотворный цикл «Современность» (в измененном составе «Стоим мы, слепы...») в сборнике «Семь цветов радуги») и статья «Война вне Европы», появившиеся в одном и том же номере «Русской мысли» (1914, № 8/9). Одним из первых он распознал в начавшейся войне конфликт мирового масштаба. Сейчас для нас представляет интерес то, что Брюсов писал о Германии, как и то, что он о ней **не** писал.

Прежде всего отметим сдержанный тон его антигерманских инвектив (самое резкое выражение — «надменный германец»), не содержащих оскорблений в адрес противника. «Нет антигерманской темы ни в одном из брюсовских стихотворений первого месяца войны» [Дербенев, 1973, с. 177–178]. Неизвестны и пренебрежительные высказывания Брюсова о Германии, сделанные в частном порядке — в письмах или разговорах. Замечу, что в период Русско-японской войны его публичные высказывания о Японии и японцах были корректными, но в письмах он порой награждал их уничижительными эпитетами.

Брюсов видел в Германии конкретного военного и политического противника, а не «исконного врага». Он не предавал поношению ее историческое прошлое и культурные свершения, не призывал выбрасывать из музеев картины немецких художников и запрещать исполнение опер немецких композиторов. Здесь мы снова видим аналогию с его позицией времен Русско-японской войны, когда журнал «Весы», не избегавший шовинистических выпадов (правда, в основном в цитатах из других изданий), в разгар боев под Ляояном помещал статьи о японском искусстве и репродукции гравюр японских художников. В неподписанной, но, возможно, принадлежавшей перу Брюсова — или, по крайней мере, одобренной им — редакционной заметке прямо говорилось: «Мы хотим напомнить читателям о той Японии, которую все мы любим и ценим, о стране художников, а не солдат» [Весы, 1904, с. 39]. В «угаре» первых месяцев Великой войны о подобных публичных декларациях не могло быть и речи, но «публичное молчание» выглядело не менее красноречиво. Особенно в сочетании с такими предупреждениями, как в стихотворении «Старый вопрос» (30 июля):

Не надо заносчивых слов,
Не надо хвальбы неуместной.
Пред строем опасных врагов
Сомкнемся спокойно и тесно.

Условия самодержавной России не располагали к акцентированию внимания на союзе «свободных» стран (его двусмысленность стала одним из «kozyрей» германской пропаганды), но Брюсов отразил это в том же «Старом вопросе»:

Не с нами ль свободный француз?
Не с нами ль свободный британец?

О «свободной России», правда, ничего не сказано.

Привыкший мыслить геополитически, Брюсов не обольщался относительно «идейного» характера войны, хотя поначалу склонен был считать ее «последней войной», как в одноименном стихотворении, написанном 20 июля:

Началом мира и свободы
Да будет страшный год борьбы.

В стихах Брюсова полностью отсутствуют «немецкое засилье», «немецкий шпионаж» и «немецкие зверства»; он также остался равнодушен к теме Сербии, а о «славянстве» вспоминал главным образом в полонофильских стихотворениях. В первые недели и месяцы войны печать «союзников» едва ли не ежедневно распространяла сообщения о повешенных «тевтонами» бельгийских священниках, изнасилованных и заживо сожженных девушках, распятых монахинях и детях с отрубленными руками. Умело организованная «пропаганда ненависти» (hate propaganda) и «пропаганда зверств» (atrocities propaganda) вызвала в обществе, в том числе русском, настоящую истерию, когда любое, тем более публично высказанное сомнение в достоверности подобных известий расценивалось как измена или, по крайней мере, поражение. Проверка этих «историй» стала возможна только после войны, когда выяснилась их беспочвенность. Своим авторитетом кампанию поддержал крупнейший бельгийский поэт, друг Брюсова Эмиль Верхарн. Ни обстановка в русском обществе, ни шумиха в прессе, ни авторитет Верхарна не заставили Брюсова включиться в кампанию, хотя, как отметил Г.И. Дербенев, «бельгийский народ для него — “народ Верхарна”, не народ короля Альберта, который был в это время самой популярной фигурой в странах Антанты» [Дербенев, 1973, с. 181–182].

Исключением можно назвать стихотворение «Тевтону» (сентябрь 1914) — отклик на непреднамеренное разрушение немецкой артиллерией знаменитого готического собора в Реймсе:

Ты переполнил чашу меры,
Тевтон — иль как назвать тебя?

«Союзная» пресса сделала из этого символ «тевтонского варварства», поэтому «реймский инцидент» стал «знаковым» событием для таких поэтов, как О.Э. Мандельштам («Реймс и Кёльн», сентябрь 1914) и М.А. Волошин («Реймская Богоматерь», 19 февраля 1915). Брюсов негодовал по поводу безвозвратной, как тогда казалось, утраты одной из жемчужин европейской культуры, но и здесь воздержался от шовинистических выпадов.

Некоторые тексты Брюсова времен войны читаются как диалог с Верхарном, причем не только с Верхарном-патриотом, проклинавшим «тевтонов» и клеймивший их «зверства», но с Верхарном-гуманистом, говорившим своему русскому другу в 1909 г.: «Война давно стала для европейцев анахронизмом. <...> Современному человеку столь же дико стрелять в других людей из пушек, как и заниматься людоедством» [Брюсов, 1994, с. 33]. Отзвук этих слов слышится в статье Брюсова, написанной 26 июля, накануне отъезда на фронт в качестве военного корреспондента: «Война, при известных условиях, — великое дело и последний довод в мировых спорах, в которых правый не всегда силен одной своей правотой, но война все же и горькое зло земли, тяжелое бедствие народов. Война все же ведет к одичанию и огрублению нравов, к забвению высших идеалов, к падению культурного уровня» [Брюсов, 1914, с. 2]. В стихотворении «Круги на воде» (2 декабря 1914) Брюсов писал:

От камня, брошенного в воду,
Далеко ширятся круги.
Народ передает народу
Проклятый лозунг: «мы — враги!»

(Курсив мой. — В.М.)

Тем же настроением проникнуто стихотворение «Западный фронт» (30 ноября 1914):

От Альп неподвижных до Па-де-Кале
Как будто дорога бежит по земле;
Протянута лентой бесцветной и плоской,
Прорезала Францию узкой полоской.
Все мертво на ней: ни двора, ни куста;
Местами два-три деревянных креста,
Местами — развалины прежних строений,
Да трупы, да трупы — тела без движений!

Стихотворение выдержано в ключе печальной констатации трагических фактов. Винаватых и правых здесь нет! — вот что автор исподволь пытается внушить читателю. В конце 1914 г. так думали — или, по крайней мере, дерзали высказываться — немногие.

Брюсов откликнулся благожелательной рецензией на «Окровавленную Бельгию» Верхарна. Здесь мы видим самые резкие для его текстов выпады против Германии: «Она всегда была страной безжалостных маркграфов и кровавых ландскнехтов. Тысячелетия она бросала свои орды на Европу. В этом ее роковое и страшное предназначение» [Брюсов, 1915, с. 5]. По просьбе Верхарна он перевел несколько стихотворений из его новой книги «Алые крылья войны» (1915), но отдал в печать только те, в которых воспевался героизм бельгийцев («Герои Льежа», позже «Генерал Леман»), оставив в архиве инвективу «Германия, истребительница народов».

Антигерманские выпады отсутствуют в стихотворениях Брюсова, навеянных личными впечатлениями от пребывания на фронте в Польше и Галиции, хотя в корреспонденциях оттуда он порой повторял пропагандистские утверждения о том, что немцы идут в атаку пьяными или что в силу нехватки призывных возрастов они мобилизуют в армию юношей и пожилых. Весной 1915 г. в его взглядах на войну произошел перелом. Более чем полгода работы на фронте закончились разочарованием в правительстве и командовании, в союзниках, а под конец и в самой войне. Мечты об очистительной грозе и освобождении «порабощенных народов» растаяли под влиянием тягостного зрелища позиционной войны.

По воспоминаниям И.М. Брюсовой, поэт «в мае 1915 г. окончательно возвратился <в Москву — В.М.> глубоко разочарованный войной, не имея уже ни малейшего желания видеть поле сражения» [Брюсова, 1933, с. 139]. «Затяжной характер войны, распутищина, измены, неудачи русского оружия, растущее народное недовольство постепенно открывали Брюсову глаза. Трезвейший из русских буржуазных поэтов пытался заново ориентироваться в действительности» [Поступальский, 1933, с. 74]. Он все больше внимания уделял литературной работе, включая перевод «Фауста». Примерно тогда же Брюсов написал следующее — оставшееся «в столе» и, возможно, неоконченное стихотворение:

Во дни великого страдания,
Когда любой рассвет — кровав,
Тебе я приношу, Германия,

Венец непобежденных слав.
Да сковывает немота уста
Тех, кто забудет в этот день
Творца, изваявшего Фауста,
Елены вызвавшего тень!
Союз народов! Воня соете!
Гласи: «да торжествует Гете!»

Публикатор этого стихотворения И.С. Поступальский отметил: «Эти гуманистические стихи прибавляют, конечно, к Брюсову периода войны интереснейший штрих» [Поступальский, 1933, с. 74–75]. Эти строки можно назвать не только квинтэссенцией отношения Брюсова к Германии, но декларацией его давней позиции, отделявшей «текущий момент» от «вечных ценностей».

После возвращения с фронта Брюсов эпизодически писал стихи о войне, в которых присутствуют антигерманские мотивы. Он резко осудил военное применение авиации, прежде всего против мирного населения, чему был свидетелем в Варшаве («Аэропланы над Варшавой», 24 декабря 1914). В стихотворении 1915 г. «К стальным птицам», не вошедшем в прижизненные сборники, он вспомнил, что «первые полеты славил» и что,

Казалось: уничтожив грани
Земель, народов, государств, –
Жить дружественностью начинаний
Мы будем — вне вражды и брани,
Без прежних распрей и коварств...

Фактически это пересказ слов Верхарна: «Я рад, что дожил до завоевания воздуха. Человек должен властвовать над стихиями, над водой, огнем, воздухом. <...> Аэропланы совершенно изменят отношения к границам между государствами, усилят чувство солидарности в европейских народах, которые почувствуют себя «единой нацией», а это приведет к прекращению войн» [Брюсов, 1994, с. 32–33]. Однако

Опасней молний, хуже бури,
Те, что возносят в небо смерть!
Не в честный бой под облаками
Они, спеша, стремят полет,
Но в полночь, тайными врагами,
Над женщинами, стариками,
Свергают свой огонь с высот!

Конечно, злодеем выступает «рой германских «голубей»», т.е. военных самолетов марки «таубе» (нем.: голубь). Но если для М.А. Волошина («Цеппелины над Парижем», 18 апреля 1915) главным является осуждение Германии, а война в воздухе — только повод для этого, то Брюсов обличает именно войну в воздухе.

То же можно сказать о стихотворении 1916 г. «Рыбье празднество» из сборника «Девятая камена». Написанное после объявления Германией в 1915 г. начала «беспощадной подводной войны», оно осуждает ее не как очередное «немецкое зверство», но именно как варварскую форму военных действий. Горько-иронической инвективой звучат слова «Славься между рыбами, царь торпед — Вильгельм!», но и здесь мы не найдем ни шовинистических выпадов, ни грубых обобщений. Сам автор очень сдержанно оценил стихотворение: «Столь не в моем

духе, что я и судить не берусь, терпимо ли это» [Брюсов, 1973, Т. 2, с. 445], — отправляя его в «Биржевые ведомости», где оно сразу же было напечатано.

Брюсов любил Германию, возможно, больше, чем кто-либо из его знаменитых русских современников. Любил как историческую, так и современную Германию, страну великих достижений культуры прошлого и родину своих друзей, но более всего — один из столпов той многовековой общеевропейской культуры, человеком которой ощущал себя. Брюсова трудно назвать космополитом, потому что он был одарен острым чувством «своего» и «чужого», ставя судьбу и интересы России превыше всего — об этом свидетельствует его позиция в период Первой мировой войны. Но чувство «своего» и «чужого» определило его паневропеизм, в котором все духовное и культурное наследие европейской цивилизации — как дохристианской, так и христианской — безусловно принималось за «свое». Интернационализм естественно сочетался у Брюсова с патриотизмом, с чувством Родины.

Мне Гете — близкий, друг — Вергилий,

Верхарну я дарю любовь...

(«Я — междумирок, равен первым...», 1911–1918)

К неоконченному стихотворению, из которого взято это признание, автор возвращался на протяжении многих лет, включая годы войны, потребовавшей ответов на вызовы времени. Брюсов не поддался искушению «черно-белой» картины мира, которая овладела умами и обывателей, и интеллектуалов. Для этого потребовались не только мудрость и прозорливость, но и незаурядное гражданское мужество.

Список литературы

Брюсов, 1914 — Брюсов В. [О пожертвовании] // Известия литературно-художественного кружка, Вып. 7 (сентябрь 1914).

Брюсов, 1915 — Брюсов В. Окровавленная Бельгия // Рус. ведомости. 1915. № 154 (5 июля).

Брюсов, 1973 — Брюсов В. Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т. 2.

Брюсов, 1994 — Брюсов В. Из моей жизни: Автобиографическая и мемуарная проза. М., 1994.

Брюсова, 1933 — Брюсова И.М. Материалы к биографии Валерия Брюсова // Брюсов В. Избр. стихи. М.; Л., 1933.

Весы, 1904 — Весы. 1904. № 10.

Дербенев, 1973 — Дербенев Г.И. Валерий Брюсов в начале Первой мировой войны // Брюсовские чтения 1971 г. Ереван, 1973.

Поступальский, 1933 — Поступальский И. Поэзия Валерия Брюсова // Брюсов В. Избр. стихи. М.; Л., 1933.

Creel, 1920 — Creel G. How We Advertised America. N.Y.; London, 1920.

Viereck, 1930 — Viereck G.S. Spreading Germs of Hate. N.Y., 1930.